

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

УГОЛОВНЫЙ ШКАФ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов
Уголовный шкаф

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Уголовный шкаф / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2016 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-89399-7

Актриса Виола Палеева на седьмом небе от счастья: в антикварном магазине она приобрела шкаф конца XVIII века, принадлежавший купчихе Брыкаловой. Однако радость от покупки быстро сменилась разочарованием и ужасом. Сначала в квартиру актрисы проник вор, и только по случайности Виола не стала жертвой нападения. Потом в мебельной мастерской, куда отвезли шкаф для реставрации, нашли труп мужчины. А на строительной площадке, где шла подготовка к сносу дома купчихи, покалечились и погибли рабочие. А ведь кровавая надпись на стене этого дома предупреждала: «Коснешься ты, и смерть коснется тебя». Неужели и вправду покойная барыня мстит за разоренное гнездо? Но полковник Гуров, ведущий расследование, не верит в мистику. Он ищет не бесплотные привидения, а кровожадных отморожков, готовых ради денег на все.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89399-7

© Леонов Н. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Уголовный шкаф

© Леонова О. М., 2016

© Макеев А., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Над строительной площадкой в подмосковном Горчакове повисла неприятная, гнетущая тишина. Не работали экскаваторы, замер на месте бульдозер, замолчал компрессор. Рабочие сидели кучками на складированных сваях, на лавке возле вагончика и курили уже по пятой сигарете.

Комиссия приехала через два часа. Прораб, Олег Иванович Борисов, крупный мужчина с густыми темными волосами, сидел на лавке возле вагончика и смотрел пустым взглядом в сторону трех старых домов, которые должны были снести на этой неделе и продлить строительную площадку. За двадцать два года работы в строительстве у Борисова бывало всякое, включая и несчастные случаи, но чтобы вот так.

Состав комиссии был впечатляющим: заместитель генерального директора, заместитель директора по персоналу, начальник юридического отдела. Борисов посмотрел в сторону прибывших, покачал головой и стал смотреть в другую сторону. Представители администрации медленно покидали микроавтобус, о чем-то переговаривались и постоянно осматривались по сторонам. Как будто намеревались тут же, с ходу, найти еще массу недостатков в работе прораба, возможно и вопиющих нарушений.

Гибель рабочего на производстве – это происшествие, которому оправданий, как правило, не находится. Даже если погибший был разгильдяем, алкоголиком или еще имел какие-то личные недостатки, то все равно виноват руководитель, который эти недостатки не учел, который поставил этого человека на это рабочее место, не проконтролировал и так далее, и тому подобное. Иными словами, куда ты сам-то глядел?

– Эх, Олег Иванович, – заместитель генерального вздохнул и сокрушенно покачал головой, – куда ты сам-то глядел. Жалко парня, мог из него и толк выйти.

– Что, не довезли? – поинтересовалась дородная тетка – заместитель директора по персоналу. – Эх, Борисов, как же ты так-то? Умер ведь парень прямо в машине.

– Да что вы из меня жилы тянете теперь! – взорвался прораб и вскочил на ноги.

Он заметался возле вагончика, как тигр в клетке, не зная, куда деться от всего этого кошмара, потом сник и снова опустился на лавку. Метаться можно до бесконечности, а поправить уже ничего нельзя. Сейчас начнут опрашивать всех рабочих, мастеров. Кто, как, когда. И какого черта вдруг рубильник оказался закрытым деревянным щитом? И почему оголенные провода лежали просто так возле составленного у стены инструмента? Борисов и сам не мог ответить на этот вопрос. Такого просто не могло быть, но такое произошло. Мистика какая-то. Или, что скорее, кто-то захотел его подставить. Если подумать, то можно предположить, кто из рабочих, затаив обиду на строгого прораба, мог такое подстроить. Но ведь человек же погиб из-за этого!

И уж совсем уныло стало на душе Борисова, когда на площадку приехала молоденькая светловолосая следователь с погонами лейтенанта. И оттого, что она такая молоденькая, свеженькая и совсем непохожая на следователя, и оттого, что она так старательно делала строгое лицо, хмурила бровки и распоряжалась, становилось совсем мутно.

– Скажите, Олег Иванович, – строгим голосом спрашивала следователь, – кто велел закрыть электрический рубильник деревянным щитом?

– Никто не велел, – сдерживая раздражение, ответил прораб. – Кто же мог велеть, если это вообще запрещено. Рубильник должен быть свободен от любых посторонних предметов и оборудования. К нему должен быть свободный доступ. И всегда иметься наготове табличка «Не включать, работают люди».

– Тогда почему же он оказался закрытым? И в результате погиб человек.

Вопрос девушка задала таким тоном, как будто ответ был очевиден, задавать этот идиотский вопрос она была вынуждена, но это ей так неприятно. Ведь все очевидно. И Борисов снова сорвался. Он не кричал, не бегал по вагончику, в котором его допрашивала эта инфантильная следователь. Он скрипнул зубами и жестко, рублеными фразами стал говорить этой молоденькой, смазливой, неопытной ни в профессии, ни в жизни девушке.

– Это несчастный случай, а не чей-то преступный приказ! – рубил воздух словами Борисов. – Есть инструкция, ее все знают. И то, что произошло, – это не умысел. Погибший не был министром или генеральным директором, его незачем убивать умышленно, понимаете. Он был обычным работягой! Это несчастный случай. Это вообще мистика, если хотите. Мне вон одного прорицателя хватает!

– Какого прорицателя? – ухватила за эти слова следователь.

– Я вам скажу, только вы не смотрите на меня как на больного, – угрюмо отозвался прораб, глядя в стол. – Старик тут ходит из местных. В рабочее время ходит и не дальше охраны у ворот. Сторожа его знают. Он все вещает, что место это проклятое, что трогать тут ничего нельзя. Сносить нельзя, а то беда будет.

– Так-так! – быстро начала писать на своем листке следователь.

Выражение ее лица сделалось таким, как будто она наконец ухватила удачу за хвост и все расследование теперь сведется к простой формальности. Только записать, арестовать, и дело закончено. Борисов смотрел на девушку, понимая, что сболтнул лишнее, но молчать теперь было нельзя и он стал рассказывать дальше.

– А по ночам сторожей здесь пугает привидение. Это вы тоже запишите. И допросите их, они вам расскажут. А еще на стене в одной из квартир дома, который мы снесли два дня назад, надпись появилась. Кровью! И ее видели десятки людей. Рабочие специально бегали смотреть в обеденный перерыв.

– Так-так, фамилии, пожалуйста. Кто видел эту надпись?

– Твою мать! – шепотом ругнулся Борисов и снова обреченно опустил голову.

Мария озабоченно крутила головой и не замечала, что молодой рыжеволосый таксист поглядывает на нее с загадочной улыбкой.

– Вон там, мне кажется, направо. – Мария протянула руку.

– Да, знаю я, знаю, где этот ваш «Раритет» находится. – Водитель заулыбался, разогнав по лицу все свои задорные веснушки. – Место известное!

– Да? – удивилась Мария. – Что, такой известный магазин?

– А то! – снова расплылся в довольной улыбке водитель, сворачивая на перекрестке. – У них там стабильно раз в квартал в начале первого месяца обновление. Я туда столько экспертов перевозил, сколько их и в Москве не живет.

– Ну ладно, – успокоилась Мария и снова посмотрела на часы.

Подруга была обидчивой, когда дело касалось ее увлечений и непонимания этих увлечений окружающими. Особенно близкими подругами.

– А я вас знаю! – заявил наконец водитель. – Вы Мария Строева! Актриса!

– Ну... да. – Мария вежливо улыбнулась. Она стала уже несколько уставать от своей популярности.

– Я с девушкой в субботу ходил на ваш спектакль. – Водитель оторвал одну руку от руля и смущенно поскреб пальцем в рыжей шевелюре. – Я вот все хочу узнать. А как вы вот в роли свои вживаетесь?

– Иногда очень крепко вживаемся, – вздохнула Мария.

– Нет, я не о том. Вот вы играете чувства на сцене, или вы настолько погружаетесь в образ, что на самом деле эти чувства как будто испытываете?

– О-о, молодой человек, – засмеялась Мария, – тут вам за пять минут и не объяснить всех тонкостей нашего ремесла. Вы лучше откройте Интернет да поищите все о системе Станиславского. А заодно и о системе Михаила Чехова, если заинтересует. Знаете, в жизни даже может помочь. Да еще при вашей работе, когда приходится ежедневно с большим количеством незнакомых людей общаться.

– Да? – Водитель сделал серьезное и даже какое-то озабоченное лицо. – А что это за системы? Тренироваться надо?

– Вы, – Мария поискала на панели машины табличку с именем и фамилией водителя, – Володя, главное, почитайте, а там сами поймете. И остановите мне машину вон возле той дамы в красном!

Дамой в красном была давняя подруга Марии Виола Палеева. Они играли в одном театре уже много лет, и Виола по рождению была не Виолой, а Валентиной. И по мужу, бросившему ее шесть лет назад, она была Кузнецовой. Но по мнению самой Виолы, для актрисы просто неприлично иметь такое имя. Что такое Валентина Кузнецова? Это намек на крестьянское происхождение или непрекращающуюся череду неудач в жизни. Это может означать только комнату в старой хрущевке (не важно, что в Москве их уже не осталось), неустроенность в личной жизни и полное отсутствие внимания достойных мужчин.

А сочетание Виола Палеева, как значилось во всех афишах и программках, по мнению подруги, возносило ее автоматически на уровень нимф, воздушных созданий, личностей духовных, душевных, творческих и «не от мира сего». Не может быть «от мира сего» Виола Палеева! Она же не какая-то там Валентина Кузнецова. И одевалась Виола так же вызывающе. Хотя, надо было отдать должное, она имела вкус и выглядела стильно всегда, даже когда выезжала с компаниями на пикники. Стиль – вот главное в жизни, говорила Виола не раз Марии и гордо вздергивала головку с острым носиком, пухлыми губками и томными глазками. Ее рука поправляла струящиеся волосы, и все вокруг должны были вздыхать и замирать от восторга.

– Маша! – вспыхнула карими глазами Виола, увидев выходящую из такси подругу. – Ты снова опаздываешь! Как можно в наше время?

– Ну, прости, прости. – Мария церемонно приложила щекой к щеке подруги, потом ко второй. – Ты же знаешь, что пробки повсюду. Ну, показывай свое сокровище.

Мария к подруге относилась снисходительно. Она скорее забавляла ее своими манерами и своим стилем жизни. Хотя и в глубине души Виола была женщиной доброй, и подругой она была верной тому, кто дружил с ней искренне.

Виола подхватила Марию под руку и буквально потащила к магазину, непрерывно щебеча и воркуя:

– Ты не представляешь, Мари, что это за чудо. Он стоял в запасниках филиала Пушкинского музея, стоял очень много лет. Я даже не представляю, почему! Это такое чудо! Ты же знаешь, как у нас чиновники могут испортить любую хорошую идею, если им дать волю. Филиал новый, его только-только передали под крыло Пушкинскому, потому что он территориально теперь вошел в границы Москвы. Ты же знаешь, что у нас недавно снова расширили эти границы... Скоро Москва станет шире Московской области! Классная шутка, да? Это мой Вадик откуда-то принес.

Мария слушала и улыбалась болтовне подруги. Виола умела скакать с темы на тему в разговоре и снова возвращаться к изначальной в нужный момент. Она как будто наслаждалась лирическими отступлениями в разговоре. Она вообще жила так, как будто наслаждалась жизнью. Редкое и удивительное качество.

Обширные недра антикварного магазина приняли в себя подруг, окутав их атмосферой старины, благоговейной тишины и запахами старых гобеленов, мебели, тусклого блеска позолоты и начищенной бронзы. Даже Виола стала говорить чуть тише. Правда, она не упускала возможности осмотреть себя в зеркалах, подбирая животик и расправляя при ходьбе плечики.

Мужчина у окна, рассматривавший со своей дамой бюро XIX века, чуть не свернул шею, глядя вслед красному костюмчику Виолы с глубоким вырезом впереди и высоким разрезом сзади, открывавшим ее пухлые бедра.

– Мадам? – Худощавый парень в больших очках с бейджиком продавца магазина, видимо, знал Виолу прекрасно и давно усвоил стиль общения с ней. – Ваш шкаф ждет вас. Я бы сказал, что он скучал!

– Ой, Володя, – Виола грациозно взмахнула кистью, – вы скажете тоже. Ну, проводите же нас к нашему сокровищу!

Мария улыбнулась этому маленькому театрализованному представлению. Что делать, Виола любила и умела устраивать вокруг себя вот такие маленькие спектакли с собой в центре. Она шла за подругой и продавцом Володей среди старинной мебели и предметов интерьера, расставленных на столах, тумбах и просто на полу, если им не было предназначено висеть под потолком.

Шкаф обнаружился в самом дальнем углу торгового зала, возле двери, ведущей в служебное помещение. Сооружение в трех уровнях из темного дерева выглядело солидно и несколько тяжеловато. Но, глядя на плавные изгибы формы, сложный рисунок резьбы, обилие архитектурных элементов, в памяти сразу всплывало знакомое когда-то слово «барокко». Шкаф впечатлял. Он был монументален. Он вполне мог вписаться в современный интерьер, стилизованный под европейское барокко. Интересно, подумала Мария, а ведь Виола ни словом не обмолвилась, что собирается делать в квартире ремонт. Не в ее вкусе ставить такие шкафы на фоне флизелиновых обоев и дверей типа «канадка». Темнит что-то подруга! Тем более что этот шкаф, если она не врёт и если он и правда из запасников музея, стоять должен как вся ее квартира.

– Вот ваше сокровище, – ловко выхватив из бокового кармана пиджака тонкие хлопчатобумажные перчатки, заявил продавец. – Вы помните наши правила? Пока это экспонат, прикасаться к нему можно только в перчатках.

– Ах, – элегантно взмахнула ручкой Виола, – мне не терпится привезти его домой и трогать там сколько хочется. А здесь...

– А сколько он стоит? – перебила подругу Мария и решительно взяла из руки продавца перчатки. – Если это и правда восемнадцатый век, то стоять он должен очень много.

– Прошу вас, – повел рукой Владимир, приглашая обойти шкаф и взглянуть на него с другого бока. – Во-первых, это конец восемнадцатого века. А во-вторых, увы, изделие попорчено. Взгляните. Не самое видное место, но все же. Говорят, что если гниль в дереве завелась, то остановить ее разлагающее действие уже невозможно. Санации не помогают.

Мария увидела, что верхняя часть правого блока и задней части в самом деле испорчены. Видимо, не одну неделю, а может, и месяц вода капала на эту часть шкафа. Вода, видимо, грязная. Лаковое покрытие потемнело, на стыках деталей появились темные пятна. Было очевидно, что разложение древесины пошло уже вглубь. Странно, что в музее изделие восемнадцатого века хранилось в таких условиях. Хотя если Виола говорит, что шкаф попал в филиал из вновь зачисленного в структуру районного музея, то все возможно.

– Вот смотри, Маша. – Виола гордо взирала на шкаф блестящими от восторга глазами. – Это чудо встанет в гостиной. Сейчас один мой хороший знакомый дизайнер прикидывает интерьеры под этот шкаф. А Вадик сказал, что он все эти пятна починит легко. Хочешь посмотреть его внутри?

Мария, уже успев надеть на одну руку перчатку, провела по поверхности дверки рукой. Потом потянула за ручку. Дверца открылась без скрипа, и в лицо пахло специфическим запахом. Мария мысленно назвала его запахом веков, потому что это было первое, что пришло ей в голову. Сколько поколений владели этим чудом мебельной архитектуры, сколько всего разного тут хранилось за эти столетия. И все оставляло свой запах, все впитывалось внутрен-

ними стенками. Но большей частью шкаф, видимо, сохранил запах натуральной пропитки, которой была обработана древесина. Никакой химии, все только настоящее, природное.

– Да, красиво и надежно делали тогда, – с улыбкой отметила Мария. – Действительно на века!

– Произведение искусства, – подал голос продавец Володя, напомнив о своем присутствии. – Так когда вы его будете оплачивать и забирать? Мы, видите ли, не можем держать приобретенный или просто отложенный товар достаточно долго. По закону...

– Уймись, Вова! – вдруг сменила интонации Виола, перейдя на вульгарный тон. Она двумя пальцами вытянула из клача пластиковую банковскую карточку. – Оплачивать будем прямо сейчас!

Лев Иванович Гуров уселся за столом для совещаний на свое привычное место у окна. Ежедневные планерки у генерала Орлова были привычными. Порядок рассмотрения вопросов, заслушивания отчетов и докладов, постановка задач – все это не менялось с годами. Старый друг Петр Николаевич Орлов любил во всем порядок, методичность. И стиль проведения ежедневных утренних совещаний оставался прежним. Менялся только сам генерал Орлов, не щадили годы старого товарища.

Да и что говорить об Орлове. И сам Гуров, и давний напарник и друг Станислав Крячко тоже уже не мальчики. Сколько за эти годы молодых офицеров выросло в стенах Главка уголовного розыска на глазах матерых сыщиков Гурова и Крячко. Напарники сработались так, что понимали друг друга с полуслова. А иногда по одному взгляду. И когда они работали, то не задумывались о том, насколько сблизили их жизнь и служба. Понимали они это, когда обстоятельства их разлучали. Как сейчас вот. И сразу чего-то не хватает, сразу какой-то дискомфорт, ощущение неуютности.

Гуров покосился на пустой стул Крячко. Этот взгляд не укрылся от генерала Орлова.

– Ты, Лев Иванович, не страдай и вздохами молодых сотрудников не расслабляй. Твой напарник убыл на заслуженный отдых в отпуск, ты сам через неделю отправишься уплотнять телом песок юных пляжей. А пока ты здесь, я хотел тебя попросить взять на контроль одно дело. Прошу внимания, товарищи офицеры!

Выросший было в кабинете гул голосов присутствующих офицеров, взявшихся обсуждать летний отпуск, мгновенно стих. Орлов недовольно обвел взглядом подчиненных и нацепил на нос очки.

– Прошу всех собраться. Что вы в самом деле, как школьники в преддверии летних каникул, все в окна таращитесь. Итак! По имеющимся на сегодняшний день сведениям, в Москве на «черном рынке» появились ювелирные изделия, имеющие историческую и культурную ценность. Предположительно изготовленные в восемнадцатом веке.

– Когда? – не удержался от возгласа Гуров. – Прошу прощения, Петр Николаевич, но просто такого рода сведения не из пальца высасывают. Что, есть серьезные основания полагать, что изделия действительно такой древности?

– Я понимаю, Лев Иванович. – Орлов снял с носа очки, отложил их в сторону и потер переносицу. – К сожалению, утверждение всего лишь голословное. Так утверждала некая личность, пытавшаяся продать эти изделия. Возможно, что это чистейшая ложь, а возможно, и нет. Дело в том, что предлагали изделия людям, которые кое-что понимают в драгоценностях.

– Ну да, – согласился Гуров. – Человек знал, на кого выходить с предложением, он знал, где их искать, он понимал, что обращается к людям, которые все-таки эксперты в этих вопросах. И он понимал, что его легко уличат во лжи. Или полагал, что сможет убедить посредников.

– Ну, вот ты на все вопросы сам и ответил, – улыбнулся Орлов. – Мне тоже показалось с самого начала, что основания для беспокойства есть. Займись, Лев Иванович, этим делом.

Я передам тебе все имеющиеся материалы. Там, кстати, есть и описания двух изделий, которые пытались продать.

Вернувшись в кабинет после планерки, Лев Иванович уселся на свой любимый диван, бросив бумаги на журнальный столик, и заложил руки за голову. Итак, прежде чем знакомиться с материалами, неплохо было бы понять, почувствовать, проанализировать первичную информацию. Как правило, первое впечатление оказывается верным. Это в том случае, если у тебя за плечами огромный опыт оперативно-разыскной работы. Опыт есть. Впечатление есть.

Мнение генерала Орлова тоже многое значит и вес имеет. Петр не вчера пришел в розыск. Когда капитан Гуров познакомился с подполковником Орловым? Давно, еще в советские времена, еще во время работы в МУРе. Петр ас, матерый сыскарь! Его интуиция никогда не подводит. И третье, драгоценности, имеющие такую ценность, буквально историческую, не каждый день появляются на «черном рынке». Тоже плюс к тому, что дело важное. Минус один – в ориентировках напрочь отсутствуют сведения о похищенных драгоценностях такого возраста. Это серьезная коллекция, по Главку обязательно прошло бы. А Гуров такого не помнил.

Итак, сведения... Гуров взял в руки листы бумаги. Ага, оперативная информация. Гуров усмехнулся. Естественно. Только вот спрашивать, а конкретно от кого или откуда получена информация, в уголовном розыске не принято. Даже лучшими друзьями не принято. Агентурная работа и все ее тонкости и правила – это святое. Если Петр промолчал об источнике или о ситуации, которая дала такую информацию, значит, эти сведения ничего не решают.

А вот это интересно. Описание внешности продавца. И никаких воровских кличек. Представился Геннадием. Имя явно вымышленное, как полагает источник. Еще бы знать, почему он такие выводы сделал. Ну, ему виднее. А источник, видимо, в ювелирном деле кое-что понимает. Интересно, а он сам почему Петра не проконсультировал по драгоценностям? Ага, Гуров сам себе кивнул. Ясно. Квалификация источника невелика в этом деле. Знает, как определить пробу и состав золота, подлинность камня, но не более. А рисунок ничего! Приличный.

Гуров отвел руку и посмотрел на карандашный рисунок двух изделий – серьги и колье. Серьги, если они были сделаны из золота, выглядели тяжелыми. Такие серьги женщина весь день не проносит. Выдержать три или четыре часа на балу или во время официального приема – это, наверное, предел возможности и терпения. Замок, подвеска, удерживающая три плетеные золотые нити, ниже планка, на которой удерживаются еще четыре нити. И на каждой из восьми нитей, включая основную, по несколько камней. Каких, агент не написал.

Колье тоже впечатляло своей массивностью, но в то же время и художественной сложностью. Если рисовавший вот это не наврал. Нет, чувствовалось, что это не фантазия дилетанта. Сетка из плетеных тяжелых золотых нитей с камнями. И все это великолепие связано в полукружие, которое должно было обрамлять обнаженную шею дамы и спускаться на грудь. Да, на аристократически белой груди это смотрелось бы.

Да, нужна консультация хорошего ювелира, знающего историю ювелирного дела. Узнаем, откуда растут ноги этих украшений, выйдем на след похитителей. А с чего мы взяли, что они похищены? А если законный владелец пытается их продать? А если нет? – сам себе ответил сыщик. А почему на «черном рынке»? Это же прямая дорога за границу. Нельзя, это уже национальное достояние. Ладно, будем разбираться.

Эх, отпуск, отпуск! И Маша его так ждет. Гуров вспомнил, как Мария поругалась в театре с руководством, выбивая для себя отпуск. Они уже два года не отдыхали вместе! И мечта провести хоть пару недель в бездумье и складкой неге среди пальм, горячего песка и под лучами южного солнца завораживала, манила и околдовывала. Гуров решительно отогнал расслабляющие видения и встал с дивана.

Ехать в Горчаково Гурову не хотелось. Но не хотелось терять и целые сутки. Эксперт, признанный знаток ювелирного искусства, историк Марк Борисович Гафанович, еще вчера

уехал в Горчаково по приглашению местного краеведческого музея. Экспозиция музея пополнилась новыми уникальными фотографиями, сделанными в 1904 году на Дворянском собрании. На приписке, сделанной вручную на обратной стороне картона, значилось, что жених некой девицы Дубовицкой преподнес ей на помолвку купленные в Санкт-Петербурге драгоценности, изготовленные известным в Европе русским ювелиром... А вот дальше буквы стерлись. Работникам музея очень хотелось по нескольким оставшимся буквам и по внешнему виду изделий, красовавшихся на шее девицы с маленьким ротиком и очень большими выпученными глазами, установить имя того русского ювелира, что так прославился на рубеже прошлых веков не только в России, но и в Европе.

Гафановича Гуров нашел в кабинете директора музея. Старый эксперт сидел, обложившись лупами простыми и лупами с подсветками, и разглядывал старинные фотографии, делая изредка пометки в блокноте. Больше в кабинете никого не было. Директор музея предупредил московского полковника, что историк терпеть не может, когда ему мешают во время работы. Он предпочитает тишину и уединение. И если ему помешать, то можно услышать в свой адрес много нелестного. Гуров только улыбнулся в ответ. С Гафановичем он уже сталкивался дважды. В последний раз это было пару лет назад, когда старого эксперта он привлекал для консультации по одному из дел, связанных с хищением ювелирных изделий.

– Разрешите? – Гуров открыл дверь и замер на пороге.

Старик нисколько не изменился. Те же маленькие круглые глаза с собранной вокруг них в складки коричневой от старости кожей. Те же непослушные седые волосы, торчавшие вихрами на затылке. Та же капризно оттопыренная нижняя губа. Кажется, и тот же серый засаленный костюм, в котором Гафанович ходил два года назад.

– Что вам? – не отрываясь от работы и не поднимая головы, проворчал Гафанович.

– Полковник Гуров из Министерства внутренних дел, – представился сыщик. – Вот специально приехал к вам за советом, Марк Борисович.

Гуров знал слабости и особенности характера старика. И говорил он сейчас, специально подбирая слова, чтобы эксперт смиловился и снизошел. Снизошел с удовольствием от выраженного в его адрес уважения и признания.

– Как, как вы сказали? – Эксперт вытащил из глаза ювелирную лупу и пошевелил бровями, вглядываясь в гостя. – Гуров? А! Господин полковник! Ну, как же, как же. Помню.

Ювелир отложил в сторону снимок и поднялся из-за стола довольно энергично для своего возраста. Был он невысок, сухощав и очень подвижен. Величественно и несколько комично вытягивая перед собой руку для пожатия, Гафанович пошел навстречу сыщику.

– Помнится, вы еще были женаты в те годы на очаровательной актрисе. Позвольте, как же ее звали? Ах да! Мария! Мария Строева! Весьма очаровательная женщина, красавица и большая умница!

– Ее и сейчас так зовут, – улыбнулся Гуров. – И она по-прежнему моя жена. А как здоровье вашей супруги Маргариты Гедеоновны?

– Теперь я понимаю, почему вы полковник, – рассмеялся эксперт и погрозил пальцем. – Вы умеете находить темы для разговора. Ну как я могу выпроводить вас за дверь, если вы спрашиваете о здоровье жены. Спросить еврея о здоровье близких – это значит завести долгий, теплый и доверительный разговор. После таких разговоров люди не становятся врагами и не посылают друг друга на... все четыре стороны!

– Марк Борисович! – Гуров засмеялся и приложил руку к сердцу. – Исключительно из уважения к вашей замечательной супруге.

– Хорошо, хорошо! – примирительно поднял руки Гафанович. – Я понимаю, что вы пришли по важному делу. По неважным делам посылают лейтенантов. Так чем могу помочь?

В семь часов вечера Гуров сидел в гостиничном номере в удобном кресле под абажуром роскошного торшера. Старый эксперт, деловито рассматривал рисунки двух ювелирных изделий, которые ему привез сыщик.

– Ну, что я могу вам сказать, Лев Иванович, – пробормотал эксперт. – Вы, как я понимаю, сами этих украшений не видели. А рисунок сделал человек, который рисовать умеет, но ювелиром не является. Так?

– Совершенно точно! – согласился Гуров. – Но что-то вы можете сказать об этих изделиях? Хотя бы по рисункам.

– Что-то определенное сказать довольно трудно, уважаемый сыщик. Я могу совершенно точно сказать, что эти красивые вещи изготовлены были не ранее второй половины восемнадцатого века. Но это вам мало что даст. Потому что это может быть и век девятнадцатый, и двадцатый. Я имею в виду то, что изделия могут оказаться вполне сносной попыткой скопировать нечто из старинных экземпляров. Некоторые сегодня грешат такими работами.

– А почему именно вторая половина восемнадцатого?

– Видите ли, Лев Иванович, именно во второй половине восемнадцатого века появилось такое понятие в ювелирном деле, как ювелирный гарнитур. Обратите внимание, что и кольцо и серьги изготовлены в едином стиле, с однотипным креплением, распределением узора. Я могу смело предположить, что где-то имеются еще и кольца. А может, и диадема. На рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков ювелиры отказались от штамповки массовых изделий. Это был всплеск индивидуальности каждого изделия. А в вашем экземпляре индивидуальности очень много. Я бы сказал, что создавали эти творения для конкретной женщины.

– Уже любопытно, – кивнул Гуров. – А можете вы предположить, для какой женщины были изготовлены эти украшения? Хотя бы возраст, социальная принадлежность?

– Ну, это очень сложно, хотя изделия и не рядовые, – задумчиво произнес эксперт. – Можно посмотреть по каталогам именных коллекций и фамильных драгоценностей. Не скажу, что это просто, учитывая, что Бархатная книга¹ довольно толста и насчитывает сотни дворянских родов. А с дополнениями она учитывает и боковые колена. А ведь есть еще дворянские роды, которые не попали в Бархатную книгу. Не знаю, не знаю. Вы что, расследуете преступление столетней давности? Или эти изделия были украдены из чьей-то коллекции? Было бы любопытно узнать, из чьей?

– Нам самим, Марк Борисович, любопытно узнать это. Честно признаюсь, что не таю от вас сейчас ни толики информации. Эти драгоценности всплыли на «черном рынке». Есть основания полагать, что они старинные и имеют художественную ценность. Допустить их исчезновение, особенно за пределы страны, мы не можем. Вот и пытаемся понять, откуда они могли появиться, если это не подделка.

– Знаете, Лев Иванович. – Эксперт снова заговорил серьезно. – Если это и подделка, то гениальная. Очень качественная. Эти изделия имеют весьма характерные признаки именно конца восемнадцатого века. Я не ошибаюсь и не умничаю, как вам только что показалось. Да, да! Не спорьте. Это промелькнуло на вашем лице, полковник.

– И чем же конец восемнадцатого так характерен? – улыбнулся Гуров наблюдательности старика.

– Много чем характерен. Например тем, что ювелиры начали использовать опалесцирующую эмаль. Это особенная эмаль, отличающаяся от обычных эмалей особыми декоративными свойствами. Она в зависимости от угла падения света может казаться то прозрачной, то иметь слегка приглушенный тон. И очень часто она становится похожей по густоте окраски и яркости бликов на благородный опал. Отсюда и возникло это название.

¹ Бархатная книга – родословная книга наиболее знатных царских, боярских и дворянских фамилий России. Составлена в 1687 году. Впоследствии неоднократно дополнялась.

Гафанович говорил тоном лектора, говорил с упоением. Наверное, так он говорит на лекциях, подумал Гуров. Где-то старик вроде даже преподает.

– Здесь мы ничего не увидим, но если вам попадутся другие изделия из этой коллекции, то мы сможем увидеть интересный эффект. Опалесцирующий эффект достигается путем так называемого глушения, то есть ввода в состав эмали различных окислов.

– Сейчас эти способы уже не используются?

– Ну почему же. В последнее время все чаще стали использовать эти технологии при изготовлении ювелирных украшений. Но ведь вы понимаете, что отличить опалесцирующую эмаль восемнадцатого века так же легко от современной, как и, скажем, мушкет от автомата Калашникова. Или современные джинсы от штанов пехотного солдата 1812 года. Современные изделия – это прежде всего матовые и блестящие металлы – золото зеленого, желтого и красного оттенков, серебро и натуральные камни, например, аметист, рубин, аквамарин, жемчуг, бирюза, агат, халцедон. И конечно, бриллианты. А если говорить о стилях той эпохи, то мастера творили в стилях, которые мы сейчас называем ар-деко и модерн. Они часто использовали женские и фантазийные фигуры, стилизованные цветы, листья, виноградную лозу, птиц, змей и насекомых. И все это в красивой огранке. И использовали не только методы литья и штамповки, но и метод гильошированной гравюры².

– Значит, – Гуров вздохнул, – мы даже пока не знаем, настоящие ли это ювелирные украшения, изготовленные в восемнадцатом веке, или это современная подделка, стилизованная под старину.

– Получается так, – развел руками Гафанович. – Вы мне рисуночки-то оставьте, я подумаю, пороюсь, может, что полезное для вас и найду. А что же, по вашей линии никаких заявлений, краж, ограблений не было, где бы вот такие серьги и кольцо фигурировали?

Гуров отрицательно покачал головой. Эксперт только развел руками.

² Гильош (от *фр.* Guilloché – узор из волнистых линий) – орнамент в виде густой сети волнистых фигурных линий, переплетающихся между собой и со строгой симметрией.

Глава 2

Когда у тебя важное оперативное дело, когда ты расследуешь такого рода преступление, то нужно быть крайне осмотрительным и осторожным. Нет заявлений, нет вообще хоть в каком-то виде зафиксированного преступления, где фигурировали бы те украшения, о которых сказал Орлов и рисунок которых он передал Гурову. Но сам факт, что где-то в полукриминальном мире бродят ювелирные украшения, имеющие не только огромную рыночную стоимость, но и культурно-историческую ценность государственного уровня, заставляет думать, что преступление все же имело место.

Во-первых, размышлял Гуров, поднимаясь по ступеням лестницы и игнорируя лифт. Всему в этом мире свое место. Бизнесменам – виски, высокооплачиваемым работникам – коньяк, алкашам и бомзам – дешевый портвейн. То же и с украшениями. Если кольцо и серьги настоящие, то им место в музее, в коллекции финансового воротилы или нефтяного магната, но никак не в руках дешевых перекупщиков, воров и аферистов. Там ходят вещи попроще, подешевле. Там аукционов не проводят.

Значит? Значит, это или афера с подделкой, или преступление, связанное с грабежом, кражей. Нет там больше вариантов. А два перечисленных в любом случае все сводят к уголовщине. Как ни крути, а заниматься этим уголовному розыску. Гуров остановился на площадке седьмого этажа и прислушался. Лифт содрогнулся где-то на девятом этаже и, лязгая блоками, пошел вниз. Тишина. Интересная тишина в старых домах, она какая-то особенная, патриархальная. Как будто дом сберег ее еще со спокойных и счастливых шестидесятых. А этот дом строился наверняка не позже.

Подойдя к нужной двери, сыщик замер на месте. Тонкая щель неплотно прикрытой входной двери и приглушенный еле заметный свет за ней. Если бы не этот свет в квартире, Гуров бы и не понял, что дверь закрыта неплотно. Черт! Только этого не хватало. Рука машинально скользнула под пиджак, пальцы сомкнулись на рукояти пистолета. Звонить или не звонить в управление? Лучше всего звонить, потому что потом, если там внутри все выйдет из-под контроля, звонить будет некогда. Да и возможности такой может не представиться.

Но и звонить, когда ты ничего не видишь и даже не предполагаешь... Как-то непрофессионально. Поднимешь на ноги дежурную часть, окажется, что хозяин просто забыл закрыть дверь. Нет уж, Лев Иванович, сказал сам себе Гуров. Это твоя работа, тебе ее и делать. И нечего перекладывать все на плечи коллег. Если ты такой опасливый, иди на пенсию, иди в вахтеры или сразу тащи с собой на такие вот выезды с десятков омоновцев. Мысль развеселила, и сыщик осторожно стволом пистолета начал открывать дверь.

Сначала щель, потом дверь открылась на треть. Гуров весь превратился в слух, чуть поморщившись от запахов, которыми пахнуло из квартиры. Грязь, что-то протухло, запах недавней пьянки. И тишина. Свет горел где-то в комнате, но от двери входа в комнату Гуров не видел. Коридор поворачивал направо. И сразу за поворотом был вход в комнату, двери в санузел и на кухню. Дурацкая планировка!

За долгие годы работы по одной специальности человек вольно или невольно приобретает многие профессиональные навыки. У сыщиков, особенно опытных, обычно вырабатывается ощущение беды, присутствие смерти. Когда ты не один год, даже не одно десятилетие выезжаешь на места преступлений, когда ты выезжаешь по сигналам граждан, по сообщениям в дежурную часть проверять квартиры, подвалы, заброшенные строительные площадки, где, по мнению звонивших, происходит или произошло что-то страшное, криминальное, то рано или поздно научишься сразу понимать, ощущать ситуацию.

И Гуров, входя в квартиру, уже понимал, что тут нет трупа, тут не произошло убийства или ограбления, что он не увидит выпотрошенных шкафов и разбросанных вещей. Тут было что-то другое. Не очень страшное.

Мягко и неслышно ступая по старому растрескавшемуся линолеуму, сыщик добрался наконец до поворота коридора. Дверь в санузел плотно закрыта, но слышно, как в унитазе журчит вода из подтекающего бачка. На кухне тишина гробовая, а вот из комнаты раздался знакомый звук. Что это? Так во сне постанывает больной человек. И пьяный.

Гуров толкнул дверь гостиной и вошел, засовывая на ходу пистолет в кобуру. Выключатель был справа от двери. Щелчок, и комнату залил нездоровый свет пыльных лампочек пятирожковой люстры. Впрочем, горели в ней только четыре лампочки. Бардак имел место, но это не были следы проникновения посторонних людей в жилище. Это был застарелый, привычный бардак одиноко живущего мужчины. Да еще мужчины пьющего.

Хозяин квартиры Вадим Семенов спал поперек старой расшатанной тахты. На нем были майка, домашние трико с ужасно вытянутыми коленями и один носок на левой ноге. Правая ступня торчала над полом, красуясь траурными пятнами грязи возле щиколоток. Вадим Семенов, которого в блатной среде знали под кличкой Сеня, всегда был неопрятным человеком. И даже за те несколько лет, что он являлся агентом Гурова, сыщик не смог привить ему склонности к чистоте и поддержанию квартиры в порядке. Впрочем, здесь Гуров почти не появлялся. Незачем наводить дружков Сени на мысль о связи его с уголовным розыском. Увы, Гурова слишком хорошо знали в лицо в уголовном мире.

Сегодня Гуров пришел сюда поздно ночью сам, а не вызвал агента на встречу в другое место по причине острой нехватки времени. И вот картина недавно завершившейся попойки. Дружки ушли, что хорошо, а хозяин лыка не вяжет, что в условиях цейтнота совсем плохо.

– Вадик! – Гуров потряс хозяина квартиры за плечо, но ответом ему было только невнятное мычание. – Вадик! Свинья ты ненасытная!

Трасти агента было бесполезно. Гуров отправился на кухню. Перерыв все шкафы, он нашел наконец то, что искал. Пузырек с нашатырным спиртом. Выбрав на полке бокал объемом примерно сто миллилитров, Гуров налил в него воды, а затем добавил десять капель нашатыря... По кухне распространился едкий запах, перебивавший вонь от грязи. Вернувшись в комнату, сыщик поднял Семенова за плечи, усадил, а затем, надавив пальцами на щеки и не давая пьяному закрыть рот, стал вливать в рот раствор нашатырного спирта. Семенов закашлялся, стал пускать пузыри, но стараниями Гурова значительная часть раствора все же влилась в его желудок. Теперь главное – успеть!

Подхватив Семенова под мышки, Гуров потащил его в санузел. Поставив на колени перед ванной, он наклонил пьяному голову, и в этот момент желудок Семенова судорожно сжался от спазмов, вызванных раствором нашатыря. Гуров, морщась, держал голову своего агента над ванной минут пять, потом, когда тот стал приходить в себя и сам ухватился за края ванны, он отпустил его и ушел на кухню готовить горячий, крепкий, сладкий чай.

Через час Семенов с мокрыми волосами и полотенцем на шее угрюмо сидел напротив Гурова на кухне и глотал, обжигаясь, горячий чай. Его еще мутило, желудок еще подергивался внутри, но горячий напиток делал свое дело, снимая спазмы.

– Понимаете, пацаны приходили, – оправдывался Семенов. – У кента одного день рождения, а его баба из дома выгнала. Вот он с пацанами и пришел ко мне. Посидели немного...

– Немного? – осведомился Гуров. – Ты же как бревно был!

– А я быстро пьянею, – оправдывался агент. – Мне двести грамм, и я в отключку. Организм такой. А вы чего пришли-то? Дело какое срочное?

– Дело, Вадик! И очень срочное! – вздохнул Гуров, размышляя, может, все-таки отмыть одну чашку да налить чаю себе. Но в доме, кроме стирального порошка, никаких моющих средств не было, и он решил воздержаться. – Меня интересуют ювелирные изделия, Вадик.

– Так с рыжем я давно дела не имел, – начал было агент, но Гуров его перебил:

– Не о тебе речь, Вадик! Кто-то в ваших кругах недавно пытался...

– Лев Иваныч! – решительно отставил чашку Семенов и прижал руки к груди. – Да какие они теперь «мои», эти круги-то? Я ж завязал по полной. Как мне жизнь тогда спасли, я поклялся, что ни-ни!

– Ладно, завел опять свою шарманку, – поморщился Гуров. – Напряги свои проспиртованные мозги! Можешь или тебя еще промыть?

– Не-не! – энергично замотал головой Семенов. – Я в порядке... немного мутит, а так все в норме. Соображалка соображает.

– Тогда напряги свою соображалку, – устало посоветовал сыщик. – Среди блатных кто-то ищет покупателя на ювелирные изделия. Изделия по описанию дорогие, возможно, что имеют историческую ценность. Изготовлены они были, возможно, лет триста назад.

– Сколько? – опешил Семенов, не донеся кружку до рта.

– Да-да, – кивнул Гуров, – возможно, что и триста. Поэтому ищут покупателя старины, а то давно бы как золотой лом сдали. По весу. Вот посмотри, я тебе рисунки сейчас покажу. Постарайся запомнить и не пропустить, если увидишь или услышишь о чем-то подобном.

Гуров вытащил из кармана пиджака сложенные вчетверо листы бумаги с ксерокопиями рисунков. Семенов поставил чашку на стол и принялся с самым серьезным видом изучать рисунки. Он хотел было положить листки на стол, но Гуров забрал их из рук агента и снова спрятал в карман.

– Не нужно, чтобы они у тебя валялись. Не дай бог кто увидит из твоих собутыльников. Ну, напрягись, кто может интересоваться такими вещами, кто может их притащить и попытаться сбыть? У кого есть интерес в этой области? Учти, что дело денежное, это не просто цапки, это не обычное рыжье. Это может стоить очень дорого. За такие деньги маму родную продают, чтобы потом всю жизнь как сыр в масле кататься. Хотя... обычно свидетелей и посредников за такие бабки убивают. Так что не впадай в искушение, Сеня, нагреть руки, если столкнешься с этими изделиями.

– Да я... – Семенов почесал в затылке. – Я понимаю, что дело не по мне. Да и какой из меня посредник. Я ж зарекся с этими делами якшаться. Кто, спрашиваете? Не знаю даже. При мне никто разговоров про это не заводил. И не показывал такого. Все же знают, что я... так, мелочовкой всю жизнь занимался.

– Шевели, шевели мозгами, Вадик, – мягко настаивал Гуров. – Необязательно видеть эти штуки, ты мог косвенно понять, что люди такими делами занимаются. Например, среди ваших блатных появился какой-нибудь человек, который отличается от них. Поведением, одеждой, еще чем-нибудь.

– Ну, видел я Куска с одним типом, – пробормотал без особого энтузиазма Семенов и пожал плечами. – Явно не из блатных. Хотя теперь хрен разберешь. Воры семьи заводят, бизнес имеют. Не коронованные, конечно, но все же. Законы воровские перестали соблюдаться. Сейчас авторитеты из других выходят. Другие времена.

– Ты мне лекций не читай, Вадик. Расскажи про того типа, с которым ты видел... кого? Куском ты его назвал? Кто это?

– Кусок? Борька Кушнарев. Мы с ним в одном дворе росли. Не то чтобы дружили, но знались. Потом сели по малолетке почти одновременно, на пересылке столкнулись. Потом я его потерял. Носило его где-то. Теперь снова здесь осел. Вроде сидел опять. Так, здороваемся при встрече.

– Мелочь?

– Мелочь, – согласился Семенов. – Не шестерка, конечно, но он всегда под кем-то ходил, под авторитетами.

– Ладно, понял насчет твоего Куска. Наведу справки, посмотрю на него аккуратненько со стороны. Теперь расскажи, с кем ты его видел.

– Ну, короче, не из блатных. Это точно.

– Почему? – быстро спросил Гуров. – Наколоч нет? Интонации голоса, мимика, жестикация не те? Жаргонных слов не употребляет?

– Во, точно! – обрадовался Семенов и даже чуть подскочил на стуле. – Без блатных словечек он разговаривает. Я сначала не понял, что ухо режет, а потом понял. Да и весь он какой-то... несидевший!

– А наколки есть?

– На руках... в смысле, что на кистях, не видел, а выше... Так я его не раздевал!

– Ладно, ладно, – махнул рукой сыщик. – Как он выглядит, опиши его.

– Да как? Как глиста!

– Оп! – Гуров с веселым удивлением уставился на своего агента. – Вот с этого момента поподробнее. Это как же? Я, знаешь ли, в жизни как-то ни одной глисты не видел. Просвети!

– Ну, как червяк, что ли. Когда червяка на крючок сажают, он так крутится. И этот какой-то вертлявый, суетной. И мелкий он какой-то. Смуглый, волосы темные.

– Кусок его никак не называл? Может, обращался как-то или...

– Точно! – обрадовался вдруг Семенов. – Точно! Называл! Копыто!

– Копыто?

– Ага, Копыто! При мне он его два раза так назвал. Один раз шутку какую-то отпустил, типа там что-то «ты Копыто на меня не топай». Я думал, что это шутка какая-то или анекдот. А потом он его второй раз назвал, уже когда обращался. Как-то там... «ты, Копыто, запомни».

– А о чем они говорили, что обсуждали?

– Вот не могу сказать, Лев Иванович! – развел руками Семенов. – Честно! Что-то бубнили они. А о чем? Не прислушивался. Я ж не знал, что вам интересно будет.

Гуров еще с полчаса пытался наводящими вопросами вытащить из памяти агента информацию, которая там, возможно, была. Но больше ничего полезного он от Семенова за эту ночь так и не узнал.

Сергей Голубев принял стройку в пятницу. Высокий, сутулый, с хмурым лицом, он выглядел постоянно недовольным. Но те рабочие и мастера, кто знал Голубева по работе, относились к нему тепло и с уважением. Сергей вырос в этой строительной организации из простых подсобных рабочих до прораба за восемь лет, успев окончить строительный факультет. Парень он был дотошный, все виды работ знал собственными руками, а не в теории. Да и начальником он был справедливым, хотя и строгим.

В понедельник Голубев приехал на свою площадку в Горчакове поздно. Припарковав свою «Ниву» возле прорабского вагончика, он недовольно посмотрел на неподвижно замерший экскаватор. Двенадцатиметровая «рука» с ковшом уныло уперлась в землю, нетронутый фасад старой двухэтажной постройки ехидно щерился облупившейся штукатуркой и сгнившим наполовину кирпичом под скатом крыши.

Работа откровенно стояла, хотя демонтаж именно этой старой купеческой двухэтажки должен был начаться в субботу после обеда. Так значилось в графике проведения работ. Голубев поморщился и поежился плечами. Чувствовал он себя неуютно, потому что и его вины в этом не было, и в то же время он обязан отвечать за все происходящее на площадке. А он и в пятницу, и в субботу, и даже вечера, в воскресенье, сдавал другой участок, откуда его перевели сюда. И руководство знало об этом, но спросят с него все равно полноценно!

– Михалыч! – позвал Голубев мастера, который торчал за спиной рабочего, возившегося с компрессорной станцией.

– А, Сергей Владимирович! – Мастер выбросил окурок и поспешил к прорабу. – Наконец-то. А у нас компрессор барахлит с самого утра. Измучились – пять минут работаем, полчаса стоим. Списывать его надо, что мы с ним...

– Михалыч! – Голубев остановил мастера на полуслове и многозначительно показал пальцем на простаивающий экскаватор. – Это что? И почему дом еще не завалили? В два часа «КамАЗы» начнут приходить, хлам с площадки вывозить, а у тебя конь не валялся.

– Сергей, там... хреновина такая, – уже тише заговорил мастер и виновато отвел глаза. – Там кровь на стене.

– Что? – Голубев опешил и остановился как вкопанный. – Какая еще кровь?

– Ну помнишь, рассказывали, что у нас с прошлым домом было, когда Борисова сняли? Надписи всякие. Опять началось. И сторожа ночью пугали. Корнеев побежал в контору заявление писать на увольнение. Староват я, говорит, с хулиганами бодаться. Боится, что подопрут дверь и подожгут.

– Полицию вызвать надо было!

– Провод телефонный перерезали. Да и не хулиганы это... наверное.

– Черт! – Голубев чуть не выругался покрепче, хотя сам не особенно любил, когда матерятся по делу и без дела. – Что за надпись, показывай! Надпись вам мешает работу начать. К объяснительной о срыве графика я надписи ваши буду прикладывать? Завалили стену, и нет ваших надписей. И не узнает никто, что она была.

Торопливо шагая с мастером к крайнему дому, Голубев понял, что он слишком много говорит и откровенно суетится. То ли предчувствие нехорошее, то ли уставать стал от такой нервной работы. Рано уставать. Люди всю жизнь на стройке работают, а он всего восемь лет. Хотя работать руками – это одно, а руководить работами – это совсем другое.

На ходу Голубев махнул рукой экскаваторщику, кутившему с другими рабочими у края нового котлована, и сурово потыкал пальцами в сторону его простаивающего механизма. Подъезд старого дома встретил их с мастером запахом сырости, грязи и мышей. Когда-то, как рассказывал кто-то из старых рабочих, это были первые большие дома в Горчакове, обычном подмосковном селе. Строил их кто-то из местных купцов и сдавал комнаты внаем.

Хмурый Голубев поднялся на второй этаж и сразу уперся взглядом в зловещего вида надпись, сделанную чем-то красным, удивительно похожим на настоящую кровь. С потеками.

Коснешься ты – и смерть коснется тебя!

Чувствуешь ее ледяную костлявую руку???

Голубева невольно передернуло от этих слов. Почему-то его особенно впечатлили сразу три вопросительных знака в конце фразы. Прораб нахмурился еще больше и стал смотреть по сторонам, чтобы сбросить неприятный и давящий на психику эффект. Да, зря он так на ребят своих взъелся. Действительно эффект есть. Кто же хулиганит тут так? Сатанисты какие-нибудь.

Надо было оставаться на высоте и своим поведением, своей реакцией восстановить позитивный настрой на площадке. Это Голубев понимал, знал из теории управления и собственного опыта. Он заставил себя подойти к стене с надписью. Черт, а ведь это и в самом деле кровь. Вид настоящей крови Сергей Голубев запомнил на всю жизнь после прошлогоднего случая, когда на одной из площадок при нем сильно поранился рабочий и потерял много крови. Парня спасли, но в памяти осталось кровавое пятно на стене, куда его отбросило, когда лопнул стальной трос подъемника, стегнувший рабочего как хлыстом.

Голубев взял себя в руки и с видимым хладнокровием потрогал пальцем жирный потек под словом «смерть». Кровь... нет сомнений.

– Сторожей наших гнать надо в три шеи или наказывать! – раздался голос мастера из крайней комнаты.

Голубев насторожился. Еще, что ли, неприятность какая? Он повернулся и решительно вошел в комнату. Двери на петлях не было, облезлые обои и обнажившаяся дранка на потолке представляли собой унылое зрелище. Мастер стоял и пинал ногой бруски от разобранного паркета. Вскрыт был большой участок пола, а сам паркет валялся разбросанный по всей комнате. Такое ощущение, что его поддевали ломиком или гвоздодером и тут же бросали. Зачем? Старый, рассохшийся, истертый на рабочей поверхности. Он абсолютно уже непригоден для повторного использования. Можно срезать верхний слой с раковинами фрезой, но тогда брус станет почти вдвое тоньше. Толку от него никакого, полотно не будет держать жесткость и станет коробиться.

– Кому-то заняться было нечем? – проворчал Голубев, тоже пнув один из брусков ногой.

– Да, кто-то взломал на дрова, – уверенно заявил мастер. – Он же дубовый, горит хорошо, много жару. Это из местных кто-то для печки или камина. А сторожа проворонили. Пьют, козлы, не следят.

– Отравишься, – с сомнением сказал Голубев, поднимая один из брусков. – Ты погляди, сколько на нем мастики, аж пропитался весь. И сколько слоев лака накладывали... лет двадцать, наверное.

– А на хрена ж тогда? – задумчиво произнес мастер.

– Вот и я о том, – бросив брусок, проворчал Голубев. – Давай поднимать народ! И так все сроки уже сорвали...

Вечером, когда последние рабочие, переодевшись, потянулись через въездные ворота к автобусной остановке да к своим машинам, Голубев вошел в сторожку. Сторож в старом ватнике мел полы, ворча себе под нос.

– Здорово, Андреич! Ты чего тут гундосишь? – спросил Голубев с порога.

– Мусорят, мусорят, а нам потом тут спать, – не оборачиваясь, ответил старик, кряхтя и выметая какие-то объедки из-под стола.

– Вот и хреново, что спать, а надо бы за территорией следить. Опять по домам лазили местные! Паркет собрали с полов.

– А он тебе нужен, что ли? – угрюмо отреагировал на замечание сторож, выпрямляясь и вытирая лоб рукой. – Старья этого жалко?

– Да век бы его не видеть! – повысил голос прораб. – Посторонние на площадке ходят по ночам, как у себя дома. Полы вскрывают, а этот шум тут никак мимо ушей не пропустишь, если не спишь. На стенах всякое пишут. Чуть ли не дети сюда ходят, подростки. А если случится что в темноте, несчастный случай? Мало нам своего ЧП! Борисов вон под следствием!

– А я давно говорю, что участковому сюда надо привести! Пусть тут полиция разбирается. Я что, пойду их за рукав выводить? А они меня по башке кирпичом.

– У тебя телефон вон лежит! – постучал костяшками пальцев по столу Голубев.

– А что я скажу в него? Что у меня привидение на стройке по ночам бродит. Пришлите мне, мол, психушку?

– Чего-о? – Голубев с недоумением уставился на сторожа.

– А того, – как-то сразу сник старик, поняв, что сболтнул лишнего.

– Какие еще привидения? – строго спросил прораб. – Ну-ка, рассказывай, Николай Андреич!

Это всегда действовало как надо. Старые рабочие любили уважение к себе. Особенно уважение молодых прорабов, начальников участков. Назови его по имени-отчеству, отдай дань его опыту, профессионализму. И он, задрав нос от гордости, горы свернет. Ну, в данном случае ответит искренностью и расскажет, что у них тут по ночам творится. Мать ее в душу...

И выяснилось, когда они оба закурили, сели за накрытый чистой газетой стол, что вот уже которую ночь снова стало появляться оно. Черт знает что, но выглядит неприятно. Хотя как оно выглядит, и сказать-то нельзя. То как человек в белом, то вроде как из тумана неясная фигура. И всегда с шумом. Оно вроде как привидению положено неслышно летать, а это все норовит инструмент уронить, бочку перевернуть. То ли знак какой подает, то ли просто охраняет место. Есть такое мнение в народе, что привидения появляются там, где останки неупокоенные. Может, и тут в этих старых домах чьи-то кости лежат.

– А предсказатель, тот того... – Сторож неопределенно повертел в воздухе ладонью с желтыми прокуренными пальцами.

– Какой еще предсказатель? – нахмурился Голубев. – Это еще что за хрень?

– Ну, Сема! Мы ж тогда с Михалычем рассказывали. А-а... – сторож хлопнул себя ладонью по лбу. – Так это еще при Борисове было дело.

– Ну, понял, понял, – нетерпеливо перебил прораб. – Что за Сема?

– Шкет один ходил тут все по вечерам. Рабочие уйдут, смеркаться начнет, он и приходит. Интересно с ним болтать было. Только ты, Сергей Владимирович, не подумай, мы без спиртного. За жизнь с ним. Так вот он и рассказывал, что, мол, места эти проклятые, что тут нечисто и жилье строить нельзя. Тут и при старых хозяевах в этих домах как бы нечисть всякая водилась. Порча там, пожар, болезни всякие. Он и говорил, что сначала знаки всякие появляются, как предупреждение. Надписи кровавые, а потом могут и смерти...

– Чево-о-о? – Голубев поперхнулся дымом. – Он про надписи говорил? А говорил, когда они уже появились или до того?

– Ну... точно сказать не могу, – задумался старик. – Наверное, все-таки до... Я помню, что удивились тогда, когда еще при Борисове в предыдущем доме появилась надпись. И сразу про Сему вспомнили, про его предсказания.

Гуров вошел в квартиру Гафановича и сразу с неудовольствием повел носом. Старый эксперт был человеком внешне опрятным, но в квартире у него чувствовался какой-то застарелый и не очень приятный запах. Определиться с ощущениями Гуров сразу не смог. Кажется, и не грязью, и не старческий запах. Может, химикаты какие-нибудь. Может, Марк Борисович дома занимается реставрацией.

– Вы вот сюда проходите, товарищ полковник. – Гафанович, запахивая плотнее домашнюю длинную кофту, увлек сыщика в недра большой гостиной.

Кажется, старик был поклонником старых интерьеров первой половины прошлого века. Тяжелые бархатные занавеси окаймляли дверные проемы. На окнах шторы были с кистями. И стулья в гостиной были как на подбор, еще советского производства. Гуров хорошо их помнил по отцовской квартире. Впрочем, проходя к креслу, Гуров бросил взгляд в приоткрытую дверь кабинета. Стол и удобное современное офисное кресло эксперт для работы, видимо, предпочитал.

– Прошу, вас, товарищ полковник, вот в кресло.

– Что-то вы, Марк Борисович, – заметил Гуров, удобно усаживаясь, – обращаетесь ко мне все время по-разному. То господин полковник, то товарищ полковник. Вы уж определитесь, а то я чувствую какое-то ваше напряжение. Если честно, то я предпочитаю господина полковника.

– Ох, – засмеялся Гафанович и махнул рукой, – не судите меня строго, это я в зависимости от настроения. Когда я сосредоточен, когда я в делах, то и обращение к людям у меня, как правило, суховатое. А в домашней обстановке...

– Тогда валяйте, зовите меня просто Лев Иванович, – разрешил с улыбкой Гуров. – Раз обстановка домашняя. Так, расскажите мне, что вы там нового разузнали по своим каналам про эти драгоценности?

– Извольте, извольте, – потер от удовольствия руки историк и стал смотреть на гостя как-то даже свысока, несмотря на то что был на голову ниже Гурова. – Так вот, уважаемый Лев Иванович, в 1907 году в Санкт-Петербурге изданы два тома «Описи серебра двора Его Императорского Величества». А автором сего замечательного труда явился некто вам неизвестный хранитель драгоценностей Императорского Эрмитажа Арминий Евгеньевич Фёлькерзам. И в этом его замечательном труде содержатся сведения о царских коллекциях Петербурга. В том числе Зимнего, Аничкова и Гатчинского дворцов. В основном это столовое серебро, а также некоторые ювелирные предметы из числа вещей, принадлежавших царевичу Петру Петровичу.

– И каким образом это все меня должно заинтересовать? – спросил Гуров, все же заинтригованный таким началом. – Так глубоко лежат корни тех драгоценностей, за которыми я гоняюсь по всему уголовному миру Москвы?

– Нет, – с довольным видом ответил Гафанович, радуясь, что смог произвести такое впечатление на полковника из самого МВД. – Ваши драгоценности несколько ниже по дворянской иерархии, но тоже замечательны по своей истории. Я ведь почему обратился к памяти господина Фёлькерзама. Ему принадлежат первые сводные справочные труды в области ювелирных изделий. Он тем самым вывел изучение ювелирных произведений на новый уровень.

– Это все, – кивнул Гуров, но историк перебил его властным движением сухонькой руки и продолжил свой рассказ:

– В том же 1907 году им был издан «Алфавитный указатель золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров, граверов и проч. 1714–1814», а позже, в 1911 году, и указатель. Я, как это у вас принято говорить, привожу в доказательство улики! И пытаюсь убедить вас, что этому источнику можно верить почти безоговорочно. Арминий Евгеньевич фон Фёлькерзам – известнейший и авторитетнейший генеалог, искусствовед, коллекционер, художник, хранитель галереи драгоценностей Императорского Эрмитажа, а впоследствии и один из его директоров.

– Вы нашли у него доказательства принадлежности интересующих меня ювелирных изделий? – терпеливо спросил Гуров.

– Так точно! – радостно ответил историк. – Судя по описанию, ваши драгоценности из пропавшей еще в девятнадцатом веке коллекции купчихи Брыкаловой. А ей они достались от ее бабушки – крепостной актрисы Анастасии Александровой. Часть коллекции была куплена или подарена Александровой, а часть изготовлена на заказ. Вот так-то, дорогой мой Лев Иванович! Историческая наука, так сказать, на службе не только общества в целом, но и полицейского департамента в частности!

– И что же, в этих книгах есть и фотографии?

– Ну, вы много хотите, – рассмеялся историк. – Это уже современные методы создания каталогов.

– Хорошо, только описания, – кивнул Гуров. – Вы мне их предоставите?

– Я уже отправил вам час назад на вашу электронную почту сканированные листы.

– Спасибо, я посмотрю и потом, может быть, попрошу каких-то уточнений, – поблагодарил Гуров. – А еще, Марк Борисович, вы имеете представление о том, как и по какой причине были в девятнадцатом веке утеряны драгоценности этой самой купчихи?

– Брыкаловой. Вы знаете, Лев Иванович, темная какая-то там история. Прямых показаний в материалах нет. Если я попытаюсь передать вам смысл, то получится следующее. В преклонных годах Брыкалова сильно болела, много денег потратила на врачей, возможно, что часть ее состояния отошла в неизвестные нам руки. Например, не сохранились дарственные или нотариально заверенные завещания. Мало ли.

Когда Гуров вошел в кабинет генерала Орлова, там бушевала гроза. Лев Иванович вот уже несколько дней не появлялся на планерках в Главке и несколько выпал из общего потока информации. Петр Николаевич глянул на вошедшего Гурова и выпроводил двух офицеров,

попавших под раздачу за какие-то недостатки в своей работе. Обычно, отчитывая наедине подчиненных, Орлов старался сделать так, чтобы суть инцидента не выходила за двери кабинета. Только если проступок или нерадивость не коснулись коллег или в целом работы управления. Сейчас он не удержался.

– Заходи, Лев Иванович! Вот времена наступили. – Орлов приобнял старого друга за плечо и провел к угловому дивану у окна. – И в наше время опера пили. Все понимаю: и нагрузка, и неприятности, и напряжение нервное. Но эти! В ночном клубе козырять удостоверениями Главка уголовного розыска перед девками, в то время когда ГУВД проводит рейд по наркоте. Уволю к чертовой матери!

– Да, мы были другими, – улыбнулся Гурова и выразительно посмотрел в глаза Орлову.

Это была старая игра. Разворочавшийся генерал, погружающийся все больше и больше в административную деятельность, начинал использовать частенько избитые штампы в своих сетованиях. И Гуров ловил его на этом. Вот и сейчас Орлов поднял глаза на старого друга, некоторое время смотрел на него, потом рассмеялся.

– Ладно, ладно. Все, согласен, ворчу, как старик! Во все времена так говорят. – Потерев затылок своей крупной головы, Орлов перешел на серьезный тон: – Давай, что у тебя по ювелирным изделиям.

– Ну что. – Гуров вытащил из папки листы бумаги с распечатанными на них на цветном принтере изображениями и текстом. – Удалось немного определиться с возможной принадлежностью украшений. Есть основания полагать, что последней хозяйкой была некая купчиха Брыкалова. В Подмоскowie у нее имелось льняное производство, пилорама и несколько скотных дворов. После ее смерти след драгоценностей потерялся. Зато мне удалось получить описание некоторых изделий. Наиболее значимых. Это описания из одного старого справочника, куда они попали в свое время, а это фотографии похожих изделий. Тут вот узловые моменты выделены, которые могут пригодиться при опознании. Особенности способов крепления камней, витые цепочки, замки. Ну и другие мелочи.

– Это ты приготовил для распространения?

– Да, необходимо передать в районные отделы полиции, в линейные отделы на транспорте, таможенникам. Не исключено, что они начнут уплывать от нас за границу. Стоят они, если не врет Гафанович, целое состояние. Тут и каратность, и историческая ценность раритетов. Письмо за твоей подписью я подготовил. Оно у секретаря.

– Хорошо, я посмотрю, – кивнул Орлов. – Еще что?

– Еще по нашим уголовникам. Борис Кушнарев по кличке Кусок, который каким-то образом связан с разыскиваемыми нами украшениями, замечен в тесной связи с еще двумя уголовниками. Это некто Самарин Игорь по кличке Самурай и Армен Хандулян по кличке Ходуля. Что их объединяет, пока неясно, мы ведем наблюдение оперативными силами.

– А что тебя смущает в их отношениях? – откинулся Орлов на спинку кресла. – Поясни.

– Не смущает, а заставляет сделать определенные выводы. И Ходуля, и Самурай, и Кусок никогда не отбывали наказания в одной и той же колонии. Я проверял по личным делам. По срокам они тоже не совпадают, так что на пересылке не могли встретиться и покорешиться. Это два. И третье, они живут в разных районах и не в пределах прямых маршрутов транспорта. Случайность знакомства сводится к минимуму, хотя и возможна. Они не мажоры и по ночным клубам не шарахаются.

Орлов поморщился и посмотрел на Гурова с иронией.

– Удивляюсь я тебе, Лев Иванович. Интеллигентный человек, а как начнешь иногда переходить на жаргон или сеять их словечками, то и смех, и грех.

– Извини, увлекаюсь, – усмехнулся Гуров и снова стал серьезным. – Так вот. Исходя из изложенного и в условиях ограниченного времени наблюдения за этой троицей, я могу сделать вывод, что их объединяет какое-то общее дело. Дело криминальное. Ведь ни один из них

нигде не работает. И с учетом того, что Кусок засветился возле старинных ювелирных изделий, которые ему не по статусу и которые в его среде просто так появиться не могут, я делаю вывод, что это группа. ОПГ. План по разработке и разобщению завтра представит оперативник из МУРа.

– Хорошо, убедил, – одобрительно улыбнулся Орлов. – Кто такой этот Копыто, ты установил?

– Нет. Пока не установил. Есть основания полагать, что эта личность есть криминальный эксперт по драгоценностям, связанный с различными аферами и контрабандой. Не исключено, что его хорошо знают, но под другой личиной в нормальном экспертном сообществе. В любом случае разрабатывать обе эти среды нужно параллельно. Попробую отследить возможный путь драгоценностей из дома этой Брыкаловой. Но думаю, что это у меня не особенно получится. У историков не получилось, а уж у меня-то со моими историческими познаниями и подавно.

– Значит, хочешь еще и историческую загадку исчезновения коллекции Брыкаловой найти? – с сомнением покачал головой генерал.

– Видишь ли, Петр. – Гуров задумчиво почесал бровь. – Я думаю, что достаточно будет для начала понять, криминальным ли путем утекли цацки у старой купчихи. Если она просто спустила их через ломбард или ювелиров, то это нормально. Коллекция разобщена и разошлась законным путем по разным рукам. А вот если она исчезла, если возникнут подозрения, что коллекция похищена, украдена, спрятана, черт бы ее побрал, тогда криминальный след с тех времен просто всплыл во времена наших. И надо иметь представление, каким образом он всплыл.

– Ну в принципе я с тобой согласен.

Глава 3

Гуров помог жене надеть плащ и снял с вешалки свою летнюю куртку. Маша выглядела чуть виноватой, но храбро кинулась в атаку.

– Ну не смотри ты на меня так, – потребовала она от мужа. – Она же, в конце концов, моя подруга. А если все делать только так, как хочется самой себе, и иногда не идти на поводу у подруг, то скоро станешь одинокой, занудливой старой актриской, которая ни с кем не общается, не имеет подруг, а имеет сварливый характер.

Гуров улыбнулся, глядя на Марию с терпеливым ожиданием.

– Ты так на меня смотришь, как будто я уже стала сварливой и занудливой... – начала было Маша, сделав мгновенно большие глаза.

Лев Иванович сгреб ее в охапку, прижал к груди и прижался лицом к волосам.

– Какая ни есть, а моя! – тихо сказал он ей в ухо. – Ну дождь, ну неохота, ну терпеть я эту твою Виолу не могу. Но я же иду из-за тебя. И ты, моя дорогая актриса, сейчас, по-моему, уговариваешь не меня, а саму себя. Решили, значит, поехали!

В этот момент телефон Гурова пропиликал, сообщая о том, что пришло СМС-сообщение. Достав телефон, Лев Иванович прочитал сообщение и многозначительно потряс телефоном.

– Черный «Опель», номер 373. Так что пошли, такси подано.

В машине Марию понесло на кулинарную тему. Она положила голову на плечо Гурова и, глядя в окно, рассказывала о том, какой у них будет стол 10 ноября – на День сотрудников органов внутренних дел. Его частенько и Гуров, и Крячко, и Орлов именовали в своем кругу Днем милиции и первый тост поднимали всегда именно такой. Сейчас, в разгар лета, до ноября было еще далеко, и Гуров понимал так, что Марии надоели их театральные склоки и сплетни. А ей в гостях у Виолы еще предстоит в них окунуться.

Дверь открыл высокий крупный парень в возрасте чуть меньше тридцати лет. Это был сын Виолы Вадик.

– Ой, здравствуйте, Мария, – расплылся Вадим. – Лев Иванович! Заходите, я сейчас маму позову.

Звать Виолу не пришлось. Она заявила в роскошном шелковом халате и с трубкой телефона возле уха. Сведя брови к переносице, она призывно махнула рукой и снова удалилась, с кем-то с жаром споря по поводу какой-то концепции. Вадим многозначительно развел руками и позвал всех в гостиную.

Шкаф стоял у свободной стены слева от окна, куда на него не попадут прямые солнечные лучи. Величественный, сложной мебельной архитектуры, с колоннами и виньетками мягкого светло-коричневого цвета, он создавал иллюзию старого почтенного гостя, явившегося и занявшего почетное место для обозрения всех присутствующих. Именно он обозревал, а не его обозревали люди, это превосходство чувствовалось.

– Хорош, правда? – Маша обернулась к мужу. – Красавец.

– Да, солидная конструкция, – поддержал ее Лев Иванович. – Я представляю, насколько серьезные дизайнерские изменения придется вносить в интерьер квартиры. Этому монстру...

Гуров поперхнулся, потому что Мария чувствительно двинула его локтем под ребро и мягко улыбнулась Вадиму.

– Вадик, он совершенен! Твоя мама просто молодец, что решилась на эту покупку.

– Вот и я об этом все время говорю, – зашебетала появившаяся в комнате Виола. – Это называется прикоснуться к вечности, это как приобщение к величайшей тайне мироздания, как к уснувшему дыханию гения. Красота – она вечна, и, приобщившись к ней, ты эту вечность ощутишь, пропустишь через свое Я!

– А вечность-то, – тихо хмыкнул Гуров, – с грязными потеками бытия.

– Да, а что это? – тут же громко стала интересоваться Мария, подойдя к шкафу с правого бока.

Стараясь соблюдать внешние приличия и поддерживать темы, которые поднимает его жена, Гуров последовал за ней осматривать новый шкаф. То, что он увидел, разочаровало его. Собственно, не только шкаф, оказавшийся с такими дефектами, но и сама Виола, купившая его. Верхняя часть боковой стенки шкафа потемнела. Отчетливо были видны потеки какой-то жидкости. Лак в этих местах потемнел, стал шелушиться, местами дерево обнажилось и тоже стало темнеть.

– Ой, вы не смотрите на это, – подлетела Виола и любовно погладила свое приобретение. – Понимаете, я его потому и смогла дешево купить, что он чуть испорчен. Вон Машка видела, я ей показывала еще в комиссионке. Но это же мелочи, согласитесь? Это все можно очистить и снова покрасить. Или что там с ними делают.

– Боюсь, то, что с ними в таких случаях делают, называется реставрацией, – вставил Гуров.

– Да фиг с ними, – немножко натянуто улыбнулась Виола. – Пусть так называется. Главное ведь, что можно... почистить... покрасить...

– Да, тут проблема, – сказал подошедший Вадик и потрогал ногтем поврежденный участок. – Вы маму не слушайте, это она сама себя успокаивает. Я сейчас ишу реставраторов мебели, кто бы мог взяться за это. Оказалось, что все не так просто. Нужно знать породу древесины, желательно ее возраст. Нужно знать тип лака, технологию нанесения, тип грунтовки. И все нужно потом подбирать по аналогии. И учитывать современные факторы. Влажность древесины была в момент изготовления одна. Сейчас она другая, условия для сушки нужно соблюсти, учесть влажность все той же древесины....

Гуров с интересом посмотрел на парня. Кажется, он уже злился на мать, что она притащила домой не шкаф, а сплошную большую проблему. И кажется, он уже изучил этот вопрос. Парень с серьезным подходом к решению текущих задач.

– А ты, я смотрю, неплохо разбираешься в вопросах реставрации мебели, – Гуров похлопал Вадика по плечу. – Не думал приобрести вторую специальность?

– Да она как бы и не очень вторая, – пожал плечами Вадим. – Я же вообще-то мебельщик. У меня свой цех по производству корпусной мебели на заказ. Делаем по стандарту и немного дизайнерской из массива или ДСП. У меня и сушка есть, и покрасочная камера.

– Ну, значит, ты в теме, – засмеялась Мария, отходя на пару шагов назад и любуясь шкафом. – Виола, а твой дизайнер уже какие-то наметки по новому интерьеру сделал?

– Ой, Маш, он мне эскизы вчера переслал! Идем.

Гуров проводил жену взглядом и решил, что беседа с сыном хозяйки на тему дорогого приобретения – причина вполне уважительная, чтобы не идти следом за дамами и не слушать вздохов и восторгов Виолы.

– И со многими реставраторами ты уже познакомился? – спросил Гуров Вадима.

– А их и не так много, Лев Иванович. Я и в музей даже ездил, откуда его в комиссионку сдавали как испорченный экспонат. И так узнавал по знакомым.

– В Пушкинский? – рассеянно спросил Гуров, борясь с зевотой.

– Нет, это новый филиал их. Аж за МКАД.

– А-а! – понимающе ответил Гуров.

Мужчина был одет очень неприметно. Темные брюки неопределенного покроя, темные ботинки, больше похожие и фасоном, и мягкостью на кроссовки. Черная куртка застегнута под самое горло. Он поднимался по лестнице неторопливо, размеренным шагом, опустив лицо

с видом задумавшегося человека. Когда на следующем этаже остановился лифт, мужчина наклонился и перевязал шнурок на одном из ботинок.

Возле квартиры он остановился и долго вертел в руках ключи. То ли прислушивался, то ли думал о чем-то о своем. В тишине ночного подъезда ключ неслышно повернулся в одном замке, потом во втором. Дверь приоткрылась, и мужчина исчез в квартире. Дверь за собой он закрыл не сразу, постояв несколько секунд и прислушиваясь к звукам в подъезде. Потом дверь закрылась.

Вадим подвез мать к подъезду дома, остановился и, не выключая двигателя машины, сказал:

– Ну, давай, мам, я приеду поздно. Ты ложись, не буду тебя будить.

– Вадик. – Виола, с недовольным видом посмотрела на сына и покачала головой. – Как я не люблю эти ваши ночные мероприятия! Неужели все-таки нельзя все провести днем, вечером, я не знаю...

– Мам, а у вас в театре все эти капустники да посиделки за столом после премьер, они в какое время происходят?

– Вадим! – возмущилась Виола. – Мы взрослые, самостоятельные люди! И потом, это давняя театральная традиция. Не мы ее придумали, и не нам ее ломать.

– Мама, мне уже двадцать восемь. – Вадик наклонился и поцеловал мать в щеку. – Я уже очень самостоятельный, я предприниматель, у меня есть наемные работники, производство, которое я организовал сам. И у нас тоже есть традиции. Мам! Перестань, ну что ты за меня так волнуешься. Я когда-нибудь не приходил домой ночевать? Меня пьяного приносили друзья?

– Ох, не понимаете вы матерей, – привычно заговорила Виола. – Вот когда у тебя будут свои, ты вспомнишь слова матери.

– Мам! – притворно застонал Вадим.

– Ладно, езжай. Но учти, что спать я буду плохо.

Виола подставила сыну щеку для поцелуя, поправила прическу, поглядевшись в зеркало на внутренней стороне противосолнечного козырька, и, улыбнувшись, вышла из машины. Вадим помахал матери вслед и положил руку на рукоятку переключения скоростей. Но тут у него зазвонил мобильный телефон.

– Ленка, привет! Чего вы там?

– Ой, Вадик, выручай, – раздался в трубке звонкий девичий голос. – Лешка с Татьяной в «Метро» застряли. У них пятьсот рублей не хватило. Ты же все равно к нам мимо поедешь? Заскочи! Все равно быстрее будет.

– А где я их там искать буду? У меня Танькиного телефона нет. Она как симку поменяла, так и не дала мне новый номер. А этого ее Лешку нового я не знаю.

– Сейчас, Вадичка! – радостно затараторила девушка. – Я сейчас ее номер найду и перезвоню тебе. Подожди.

Вадим вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Татьяна ему нравилась давно. У них даже кое-что начиналось, но тут появился этот красавец Леша. Хлыщ! И главное, в компанию их он влился как-то сразу. Как уж проскользнул. Мысли о красивой Татьяне были грустными, и Вадик их решительно отогнал. А вот на то, что ему позвонила именно Ленка, а не кто-то еще, могло означать, что он ей нравится. Почему сейчас Ленка позвонила? Она с Татьяной даже не подруга. И назвала она его Вадичкой!

Размышления были приятными. Вадик решил, что стоит на Ленку обратить самое серьезное внимание, потому что ножки у нее были просто обалденные. Мысли о ножках заставили еще шире улыбнуться самому себе, и, когда зазвонил телефон, Вадик схватил его и тут же выпалил:

– Да, Леночка!

– Так, только мать высадил из машины, и все? – раздался в трубке голос Виолы. – Уже Леночка какая-то?

– Мам... – растерялся Вадик, – ты... чего?

– Вадим, я не найду ключи от квартиры! Всю сумочку перерыла. Может, я их тебе отдала? Ты вообще где?

– Мам, я у подъезда стою, жду звонка. Сейчас поднимусь.

Выключив двигатель, Вадим вышел из машины и с сожалением посмотрел на телефон в своей руке. Кажется, Лена позвонит теперь в самый неподходящий момент, когда мама будет рядом и легкий флирт и нежные интонации в голосе придется оставить. А намек на свой интерес к девушке ей лучше выразить сейчас, чтобы к его приезду она уже начала думать о нем и о том, что между ними может быть. А теперь, если Лена позвонит, когда рядом будет мать, придется ограничиться обыденным тоном.

Взбежав на свой этаж и на ходу доставая из борсетки ключи от квартиры, Вадик мысленно просил Лену пока не звонить. Еще несколько минут подождать. Мать ждала его у двери квартиры с таким видом, как будто все произошедшее было его шуткой. Пришлось клясться и божиться. Потом открывать дверь своим ключом, заходить в квартиру и на тумбочке в прихожей перетряхивать перед матерью свою борсетку. Ее ключей у него не было.

– Ладно, ладно, – махнула рукой Виола. – Езжай уж. Значит, я их в гримерке оставила.

Мужчина в черном в этот момент замер, стоя буквально на одной ноге в гостиной возле старинного шкафа. Он напряженно вслушивался в разговор женщины и ее сына в прихожей. Там горел свет. И светлая дорожка виднелась в проходе между аркой гостиной, дверями санузла. Мужчина, мягко ступая, подошел к арке и замер за стеной. Кажется, парень собирается уходить. И его долго не будет. И женщина останется одна.

От волнения неизвестный ощутил сильное сердцебиение. Тыльной стороной ладони он вытер пот со лба. Рука скользнула неслышно в карман куртки и вытащила нож с выкидным лезвием на пружине. Придерживая лезвие, чтобы не было щелчка, мужчина раскрыл нож. Осторожно выглянув из-за стены и убедившись, что его из прихожей от двери не видно, он сделал два тихих шага и оказался у двери в ванную.

Виола закрыла входную дверь за сыном и, напевая еле слышно модный мотивчик, сбросила с плеч плащ, повесила на плечики, сняла туфли и с наслаждением надела домашние тапочки. Поправив перед зеркалом волосы, она, продолжая напевать, прошла на кухню, щелкнула выключателем, и под потолком загорелся розоватый светильник, заливая кафель и стеклянный фартук над плитой и рабочей поверхностью ласковым, вкусным светом, который так нравился Виоле.

Щелкнув выключателем чайника, женщина направилась в комнату переодеваться. Но, выйдя из кухни, она замерла на месте. Холодная рука страха сжала все внутри, сделав ноги ватными, а сердцебиение редким... чуть ли не через раз. Дверь ванной была открыта! Всего две минуты назад Виола проходила из прихожей на кухню мимо этой двери. Она точно помнила, что дверь была закрыта. У Виолы в доме всегда был полный порядок, и такого безобразия, как неплотно прикрытые двери или неаккуратно зашторенные окна, у нее просто не могло быть. В принципе! А тут дверь, открытая сантиметров на тридцать. Сами они никогда не открывались, все двери устанавливались мастерами строго по уровню, исключительно вертикально.

Шум в прихожей и щелчки замка, которые она слышала, вывели Виолу из состояния тихого страха и ввергли в дикую панику. Бросившись на кухню, женщина рванула на себя выдвижной ящик, схватила два больших ножа для разделки мяса и рыбы и забилась в угол между окном и холодильником. Никогда еще стены этой квартиры и лестничная площадка не слышали такого истошного визга. Виола продолжала визжать, вдавливаясь в узкое пространство даже тогда, когда неизвестный, распахнув входную дверь, выбежал из квартиры...

Участковый уполномоченный старший лейтенант Саша Бойцов старался держаться солидно. Он чувствовал себя уже опытным сотрудником. Прошло полтора года с тех пор, как он, окончив юридический институт МВД, пришел работать в свой отдел полиции. И долго Сашка чувствовал себя младшеньким. И поначалу лейтенантские погоны, о которых он так долго мечтал, вдохновляли его, заставляли то и дело косить глазом на свое плечо. Но вот прошел год, и Сашка почувствовал, что ему как-то немножко стыдно оставаться лейтенантом. Как-то это мелко, как зеленый юнец.

И вот Сашке присвоили очередное специальное звание. Фактически с тремя звездочками он вышел из дома сегодня всего в четвертый раз. И все время ловил себя на том, что снова, как и после окончания института, ему все хочется скосить глаза на плечо, на новенький погон. Тем более что теперь он старший лейтенант. А старшие, как известно, они и в Африке старшие. Это уже не юнец, это уже признанное продвижение по службе, хотя и первое, самое маленькое. Но каждый встречный, если он не дурак, понимает, что раз присвоили человеку очередное звание, значит, достоин, значит, работает хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.